

МИХАИЛ
ФИЛИППОВ

ОСАЖДЕННЫЙ
СЕВАСТОПОЛЬ

ЧАСТЬ II

RUGRAM

Москва
2026

УДК 355/359
ББК 68.4
Ф53

Филиппов М.М.

Ф53 Осажденный Севастополь. Часть 2/ М.М. Филиппов. — М. : RUGRAM, 2026 — 326 с. — (Военная летопись России).

ISBN 978-5-517-13631-2

« — Добыть мне писарей со всех кораблей, — сказал Нахимов и, хотя чрезвычайно не любил писать, собственноручно написал приказ такого содержания: «Неприятель подступает к городу, в котором весьма мало гарнизону; я в необходимости нахожусь затопить суда вверенной мне эскадры и оставшиеся на тех команды, с абордажным оружием, присоединить к гарнизону. Я уверен в командирах, офицерах и командах, что каждый из них будет драться как герой. Нас соберется до трёх тысяч, сборный пункт на Театральной площади. О чём по эскадре объявляю».»

« — Владимир Алексеевич, вы любите меня?

— Что за вопрос, Павел Степанович... Нас часто пробовали поссорить, но я всегда ценил и уважал вас более всех.

— Скажите-с, вы переправляете одиннадцать батальонов в надежде, что, присоединив их к моим морякам, мы отстоим город?

— Поручиться нельзя, — ответил Корнилов, — но попытаться можно...»

« — Где много нянек, там дитя без глазу, — сказал Корнилов. — Вся беда в том, что здесь нет одного человека, который мог бы распоряжаться всем!»

УДК 355/359
ББК 68.4
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-13631-2

© RUGRAM, оформление, 2026
© Т8 Издательские технологии,
оформление, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.....	5
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.....	141
ЧАСТЬ ПЯТАЯ.....	239

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

Вечером Корнилов был у Меншикова, не во дворце, а в домишке князя, близ батареи номер четвертый. Меншиков только что отдал приказания генералу Кирьякову и его квартирмейстеру Залескому¹, а потому был в самом мрачном расположении духа и все повторял адъютантам: «Я уверен, что Кирьяков опять все перепутает, а между тем от движения его дивизии зависит исход дела». Вообще же князь никому не объяснил, кроме своих приближенных, главной сущности своих намерений. Кирьякову он просто отдал приказание идти с вечера к Бельбеку с двенадцатью батальонами пехоты, двумя батареями, двумя полками гусар и казаками. Кирьяков слегка пожал плечами и спросил:

— Что же прикажете сделать, ваша светлость, если мой отряд подвергнется нападению?

— В случае натиска, — сказал Меншиков, — держитесь до тех пор, пока я не извещу вас, что уже прошел Мекензиеву гору.

Кирьяков стал доказывать, что это неудобно и что неприятель легко может перейти Бельбек и очутиться в Северном укреплении раньше, чем Меншиков успеет стать ему во фланг или в тыл.

Это противоречие раздосадовало князя, который в душе и сам не был уверен, успеет ли он выполнить свой план, состоявший в том, чтобы либо зайти наступающему неприятелю во фланг,

¹ Правильнее — Залецкий.

либо в случае неудачи отступить к Бахчисараю и оставить Севастополь на произвол судьбы.

Меншиков сидел за картой и, плохо зная местность, строил чисто теоретические соображения. За этой-то работой застал его Корнилов.

— Вы поручили мне оборону Северной, ваша светлость, — сказал он князю. — Насколько это зависит от сил моих, я постараюсь выполнить данное мне поручение...

— Хорошо еще, что не отказываетесь, подобно Павлу Степановичу, — сказал Меншиков. — Я ему поручил оборону Южной стороны, а он говорит, что на суше ничего не понимает. Я вот также ношу морской мундир, но не понимаю, как можно так отделять морское дело от военного вообще. Всякий военный должен быть до известной степени энциклопедистом.

Корнилову было не до разговоров о посторонних предметах.

— Ваша светлость, — перебил он князя. — Я был против затопления кораблей, но, покоряясь необходимости, привел эту меру в исполнение с тою, однако, целью, чтобы спасти чудный порт и остальной флот. Боюсь, что и эта цель не будет достигнута. Если верить слухам, вы отдали приказание Кирьякову выступить теперь же к Бельбеку, и, говорят, вся армия выступит отсюда. Является вопрос: куда и зачем?

— Я уже, кажется, сообщал вам, — сказал Меншиков, — что имею в виду важную диверсию, подробности которой я по некоторым обстоятельствам должен хранить в тайне. Я вам оставляю моряков, саперов и резервные батальоны тринадцатой дивизии. Неужели этого недостаточно?

— Не только недостаточно, ваша светлость, но, извините меня, эта мера будет губительна! Севастополю не устоять, если войска оставят его! Горсть моряков не в силах остановить напор многочисленной союзной армии на Северные укрепления, а по взятии их нельзя держаться и в самом городе.

— Неприятель не может атаковать Северных укреплений, — ответил князь. — Он будет иметь у себя на фланге и в тылу нашу армию. Приказываю немедленно сформировать из корабельных команд батальоны для защиты города.

Князь говорил с такою уверенностью, что Корнилов начал ему верить. С обычной своей энергией он взялся за дело, сформировал из команд затопленных кораблей и фрегатов батальоны, распределил орудия и велел в случае крайности, если неприятель ворвется в Северные укрепления, затопить порох в корабельных крыйт-камерах, если нельзя будет более держаться.

Вечером в городе и на рейде была суета. Пароходы и гребные суда перевозили войска и орудия, по главным улицам Севастополя двигались во множестве войска и повозки.

В Севастополе распространился слух, что неприятель на следующий день атакует город. Многие уверяли, что всем жителям будет роздано оружие. Некоторые из жителей складывали на возы свое имущество, не зная, удастся ли его провезти, так как ходили слухи, что у нас уже отрезано всякое сообщение с Симферополем. Команды моряков поспешно проходили по улицам, сменяя выступившую из укрепления пехоту.

Князь Меншиков стоял на Графской пристани и лично наблюдал за переправой морских батальонов.

На Южной стороне, на так называемом Куликовом поле, находились войска Кирьякова, которые по приказанию Меншикова должны были составить авангард.

Кирьяков взял с собою только два полка пехоты и столько же кавалерии и не спеша, осторожно подвигался к Бельбеку.

Вечерело. Было отдано строжайшее приказание идти без песенников и громко не разговаривать. Солдаты угрюмо молчали, изредка позволяя себе вполголоса ругнуть товарища, наступившего на пятку. Офицеры перешептывались. Никто не знал в точ-

ности, где неприятель: не было сделано ничего похожего на рекогносцировку.

Отряд Кирьякова уже занимал свои места и собирался расположиться бивуаком, как вдруг на довольно близком расстоянии послышались мелодические звуки зори, без сомнения раздававшиеся из неприятельского лагеря.

— Неприятель! — заговорили офицеры.

— Стой! — скомандовал Кирьяков. — Налево кругом марш! — И, обратившись к своему начальнику штаба Залескому, прибавил: — Я ведь говорил светлейшему, что этим кончится! Черт знает что такое! Только конфузит меня своими бестолковыми распоряжениями! Ведь неприятель уже находится на самом берегу Бельбека. Не знаю, почему не видно костров.

Отряд Кирьякова повернул назад и поспешил за своим начальником, который, проехав мимо рядов солдат, опять очутился впереди. Подполковник Залеский тотчас отправил казака к Меншикову с донесением, что неприятель так близко, что приказания князя исполнить невозможно.

II

На рассвете прискакал казак с донесением к князю Меншикову. Трудно представить себе гнев и смущение князя. Все планы его оказались построенными на песке.

— Скорее лошадь! — крикнул князь и поскакал на Куликово поле в лагерь.

Панаев, вышедший с князем на крыльцо, так и остался там, не успев получить никаких приказаний. Казак едва поспевал за Меншиковым. Прибыв в лагерь, Меншиков узнал, что накануне вечером прибыл отряд под командою генерала Жабокритского,

назначенного начальником шестнадцатой дивизии на место раненного в Алминском бою Квипинского.

— Где находится Жабокритский? — спросил Меншиков у одного из полковых адъютантов.

— На Мекензиевой горе, ваша светлость.

— Передайте генералу Жабокритскому, что Кирьяков не исполнил своего назначения, — сказал князь. — Поэтому пусть рассчитывает лишь на свою бдительность, сохраняя позицию до прибытия к нему на смену князя Петра Дмитриевича Горчакова. По милости этого Кирьякова мы потеряли двенадцать часов и теперь, пожалуй, не успеем появиться у неприятеля во фланге и в тылу!

Отослав адъютанта, Меншиков возвратился домой и застал у себя на столе письмо раненого Жолобова. Жолобов просил выслушать его предсмертную просьбу и прислал князю подарок: свой предсмертный труд — маленький карманный планчик окрестностей Севастополя, нарисованный им еще до Алминского боя.

Князь был растроган и немедленно поехал в госпиталь. Жолобов по-прежнему лежал под одеялом. Смертельная бледность разлилась по лицу его. Завидя князя, старший врач заблаговременно явился в палату. Князь подошел к Жолобову и спросил, о чем он хотел просить его. Жолобов слегка приподнялся, опираясь на локоть:

— Я об одном прошу, ваша светлость, пусть меня вынесут из этой духоты на свежий воздух. Так я умру спокойнее. Я уже просил доктора, да не позволяют... Ведь я хорошо знаю, что у меня антонов огонь... Все равно умру...

— Почему же вы не исполните этой просьбы больного? — строго спросил князь доктора.

— Да я, ваша светлость... Опасность простуды... Воздух утром очень свежий... — бормотал доктор.

— Тем лучше, — сказал Меншиков, — это освежит больного.

И он начал что-то доказывать доктору, обильно пересыпая свою речь медицинскими терминами. Доктор постарался изобразить на своем лице почтительное изумление. Фельдшерам было велено осторожно перенести раненого в сад.

Меншиков подошел к открытому окну.

— Я вижу, во двор въезжает какой-то флигель-адъютант, — сказал Меншиков. — Кто бы это был? Терпеть не могу этих петербургских посланцев... Да, кстати, доктор, что Сколков?

— Поправляется, ваша светлость.

Приехавший оказался только что прибывшим из Петербурга флигель-адъютантом Альбединским.

Альбединский сказал князю, что послан государем за известиями, и стал жаловаться на дорогу.

— Все бока растрясло, пока доехал из Симферополя, а тут еще боялся, что не попаду в Севастополь: в Симферополе напугали, говорили, что уже прервано сообщение с Севастополем.

— Удивляюсь, как легко верят всякому вздору, — сказал Меншиков. — Я знаю, что об Алминском сражении государю наговорят самые несообразные вещи. Вас прошу об одном: судите по вашим личным впечатлениям и не слушайте, что бы вам ни говорили. Хотите, пойдем взглянуть на других раненых? — прибавил Меншиков, выходя с Альбединским из палаты, где был Жолобов.

Князь с Альбединским обошел раненых. В одной из палат лежал раненый офицер, как оказалось, Владимирского полка и подле него два солдата того же полка.

— Эти молодцы славно работали штыками, — сказал раненый офицер, указывая на солдат. — Если бы их не подстрелили в ноги, не взяли бы англичанам наших двух орудий.

Меншиков знал, что государь строго приказал всем генералам исполнять правило Веллингтона: никогда не оставлять на поле битвы ни одного орудия в руках врагов. Поэтому он сильно по-